

Н. Ильченко

Мотив «белой женщины» в творчестве Э. Т. А. Гофмана и русских романтиков

Новелла Э. Т. А. Гофмана «Маркиза де ла Пивардьер» (“Die Marquise de la Rivardiere”, 1821) была переведена в 1825 году для журнала «Московский телеграф» под названием «Белое привидение» и стала первым произведением немецкого романтика, опубликованным в Москве. Н. А. Полевой, редактор «Московского телеграфа», включил ее в 1830 году в сборник «Повести и литературные отрывки», куда входили произведения самых читаемых в России зарубежных авторов.

В основе гофмановской новеллы лежит мотив о мертвеце, который не находит покоя и является людям в облике призрака. Привидение якобы убитого маркиза в длинном белом одеянии видит судейский чиновник недалеко от замка. Однако в новелле «Маркиза де ла Пивардьер» имеет значение не столько мотив мертвеца, сколько мотив «белой женщины», что и подчеркнул неизвестный переводчик (возможно, им был сам Н. А. Полевой).

Мотив «белой женщины» используется и русскими романтиками. Так, в 1830 году в «Сыне Отечества» была опубликована повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Вечер на Кавказских водах в 1824 году», в которой присутствует этот мотив. Можно назвать еще несколько произведений, в которых он имеет значение: новеллы «Две невестки» и «Белое привидение» (1834) М. Н. Загоскина, «Орлахская крестьянка» (1836) и «Привидение» (1838) В. Ф. Одоевского.

Формирование мотива «белой женщины» в русской литературе имеет свою историю, которая связана с немецкой литературной традицией, в том числе и с Э. Т. А. Гофманом.

В 1829 году внимание русских читателей привлекла книга «Некоторые любопытные приключения и сны, из древних и новых времен». Среди «приключений и снов» приводится «любопытное известие о привидении, известном под названием белой женщины», о которой в Германии знают все. «Белая женщина» обычно появляется в различных замках Германии «незадолго перед смертью какой-либо владетельной особы»¹. В книге приводятся достоверные сведения с указанием места и времени появления «белой женщины». Особенно часто ее видели в Нейгаузском замке: она

выглядывала из окна верхней, необитаемой, башни замка; была вся в белом, имела на голове вдовье покрывало с большими бантами. «Белую женщину», не нашедшую небесного блаженства, нельзя считать осужденною: «...она приходила в негодование, если кто-то произносил против Бога и Религии хульные и непристойные слова»². Появление «белой женщины», «достопримечательного таинственного существа», связывают с несколькими реальными женщинами. Наиболее вероятной считается Перхта (Берта) фон Розенберг, построившая в XV веке Нейгаузский замок. Между ее портретом, сохранившимся в древнем замке, и призраком «белой женщины» все находили поразительное сходство. Чаще всего она появлялась в домах, где жили ее потомки.

Образ «белой женщины» соотносим и с богиней Берхтой, Frau Berchte, хорошо известной в Германии. По мнению А. А. Потебни, само имя заключает в себе понятие «белая», поскольку «perahta — светлая, блестящая»³.

Русскому читателю 30-х годов XIX века мотив «белой женщины» был известен по повестям Г. Цшюкке «Предвестница смерти» (1817) и Л. Тика «Волшебный замок» (1836). «Белая женщина» присутствует в новелле Л. Тика «Эльфы» (1812), сюжет которой лег в основу сказочной повести Ан. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» (1829).

В творчестве Э. Т. А. Гофмана мотив «белой женщины» встречается в нескольких произведениях. Наиболее полно он представлен в новелле «История с привидением» (1819). Смысловой центр здесь образует именно этот мотив. О «белой даме» дочерям полковника фон П. часто рассказывает садовник. Младшая, Адельгунда, решила явиться перед подругами в облике «белой дамы» в день своего рождения. Девочка накинула на себя белую шаль и повела гостей к развалинам в конце сада. Когда она приблизилась к наполовину рухнувшему своду, то остановилась и потеряла сознание. Все это произошло, когда часы пробили девять: «В конце концов она приходит в себя и, дрожа всем телом, рассказывает, что, как только она приблизилась к своду, прямо перед ней выросла прозрачная фигура, будто окутанная туманом, и протянула к ней руку»⁴. Во все последующие вечера ровно в девять часов перед девочкой появлялась «белая дама». Адельгунда сама превратилась в «призрака», стала тихо и медленно двигаться, ее лицо покрыла смертельная бледность как отпечаток белого цвета привидения. Девочку начинают считать сумасшедшей, потому что никто не видел «белой дамы». Кульминацией в новелле становится эпизод, когда родственники воспользовались советом известного врача. Часы перевели на час назад, но призрак появился в восемь часов. Все присутствующие старались успокоить девочку и доказать, что никого нет. Только Адельгунда видит протянутую белую руку, «берет небольшую тарелку, что случилась на столе, протягивает ее куда-то в пустоту, разжимает пальцы — и тарелка, точно ее держит невидимая рука, медленно плывет по кругу, мимо всех присутствующих, а затем тихо опускается

на стол»⁵. Развязка была неожиданной для всех, кто не верил в существование «белой женщины»: полковник отправился в поход и погиб, его жена заболела и умерла, старшая сестра вообразила себя призраком и стала прятаться от людей. Адельгунда же после этого избавилась от призрака.

«Белая дама» из рассказов старого садовника явилась в семью полковника фон П. и роковым образом ее разрушила. Призрак из предания выступает здесь в своей традиционной роли: предвещает смерть. Адельгунда — виновница появления «белой дамы» — физически и психологически ощущает ее присутствие. При этом девочка смиряется со своей участью и спокойно воспринимает ежедневные встречи с призраком. Ее близкие — отец, мать, сестра — оказываются наказанными из-за своего неверия в существование призрака. Для них стало неожиданностью проявление физического присутствия «белой дамы».

В новелле Э. Т. А. Гофмана «Эпизод из жизни трех друзей» (1818) мотив «белой женщины» используется в трансформированном варианте. Александр, переселившийся в дом умершей тетушки, ночью увидел «длинную белую фигуру»: «Тут глубочайший ужас овладел всем существом моим — и я лишился чувств»⁶. Знакомой цепочки событий здесь нет: результатом потрясения не становится сумасшествие или смерть. Навсегда расстаться с призраком герою помогает будущий тесть. Выяснив причину появления призрака, он назначает венчание на день несостоявшейся тетушкиной свадьбы. «Когда пастор произнес слова благословения, в комнате внезапно пронесся какой-то тихий, необыкновенно приятный шорох... все присутствующие почувствовали, по единогласному отзыву, странное, необъяснимое удовлетворение, пробежавшее по всем нашим телам, точно теплая электрическая искра»⁷. С тех пор «белая фигура» призрака находит успокоение и больше не возвращается.

В новелле Э. Т. А. Гофмана «Приключения в ночь под Новый год» (1815) женщина в «белой одежде» появляется в один из кульминационных моментов. Когда Эразмус Шпикер готовился написать свое имя под очередным обязательством, «распахнулась дверь и в комнату вошла фигура в белой одежде, она уперла в Эразмуса свои неподвижные глаза привидения»⁸. Женщиной в «белой одежде» здесь оказывается жена Шпикера, которая просит не подписывать бумагу, чем спасает себя и сына. Однако «фигура в белой одежде», «привидение» напоминает об образе «белой женщины», которая появлялась, чтобы предупредить об опасности.

Самая поздняя из новелл этого «цикла» Э. Т. А. Гофмана — «Маркиза де ла Пивардьер» (1821). В ней присутствует в трансформированном виде мотив «белой женщины», поскольку ее роль исполняет маркиз. Однако неизвестный русский переводчик намеренно выделяет и фактически «вписывает» именно этот мотив. Уже в измененном названии — «Белое привидение» — выделяется эпитет с вполне определенным намеком.

Отношение к привидениям/призракам в эпоху романтизма было особенным. Это понятие или включали в названия произведений (некоторые уже были перечислены, к ним можно также присоединить «Привидение (Истинное происшествие, недавно случившееся в Богемии)» — анонимную повесть, переведенную В. А. Жуковским), или подразумевали (например, «Кто же он?» Н. А. Мельгунова, «Черная женщина» Н. И. Греча, «Черный гость» Бернета (псевдоним А. К. Жуковского) и др.).

В. А. Жуковский в статье «Нечто о привидениях» рассказывает о тех случаях, когда кому-нибудь пришлось видеть наяву или слышать о привидениях и дает им свое определение: «вещественное явление предмета невещественного»⁹. Поэтому встреча с призраками всегда вызывает чувство ужаса.

Именно с этим чувством ужаса связано поведение судейского чиновника по имени Боннет из переведенной под названием «Белое привидение» новеллы Э. Т. А. Гофмана. Маркиза де ла Пивардьер и ее духовник, в молодости связанные чувством, встретились через двадцать лет и были обвинены в смерти маркиза. Дух убитого стал появляться в разных местах «в виде белого привидения»¹⁰. Судейский чиновник Боннет более других стремился найти следы преступления и обнаружить около замка зарытое тело маркиза. Он и поплатился за свое усердие, так как был найден без сознания недалеко от замка. Как и Адельгунда из новеллы «История с привидением», Боннет приходит в себя и рассказывает о встрече с «белым привидением». Его тоже принимают за сумасшедшего. «Он трепетал, беспрестанно ждал к себе белого привидения и лежал в беспамятстве»¹¹. Появление маркиза «в длинном белом одеянии», к тому же заговорившего с ним «страшным голосом», настолько потрясло Боннета, что он «не мог оправиться, опасно занемог и умер почти в сумасшествии»¹².

Цепочка событий, связанных с появлением «белого привидения», повторяется в такой же последовательности, как и с «белой женщиной»: сначала Боннет не верит слухам о «белом привидении», которое бродит по Нербоннскому замку, затем после ужаса от встречи с ним наступает беспамятство, болезнь и смерть.

Если сравнить перевод Г. И. Ратгауза, представленный в последнем собрании сочинений Э. Т. А. Гофмана и опирающийся на оригинал¹³, с переводом XIX века, то заметны существенные отличия в эпизоде с явлением «белого привидения». Неизвестный переводчик 30-х годов XIX века намеренно подчеркивает важную функцию в повествовании мотива, связанного с «белым привидением». В эпизоде с Боннетом это словосочетание повторяется пять раз: «говорили, что дух Маркиза, в виде белого привидения, появляется в разных местах»; «первое слово его было: “Где белое привидение?”»; «вдруг явился перед ним Маркиз в длинном белом одеянии»; «он трепетал, беспрестанно ждал к себе белого привидения»; «каковы бы ни были обстоятельства появления белого привидения, но Боннет не мог опра-

виться, опасно занемог и умер почти в сумасшествии»¹⁴. В новейшем переводе о «белом привидении» не упоминается ни разу.

Видение маркиза стало для Боннета роковым, поскольку оно сравнимо с появлением «белой женщины». Более того, выяснилось, что маркиза не убивали, он исчез по собственной воле. Узнав об обвинении, предъявленном жене и Шаро, маркиз возвращается. Э.Т.А. Гофман дает реальное объяснение встрече маркиза с судейским чиновником. В переводе Г.И. Ратгауза этот эпизод изложен следующим образом: «Неподалеку от замка Нербонна он встретил Бонне, который надеялся вырыть из земли труп маркиза. Маркиз крикнул ему, что нет необходимости искать под землей того, кто еще ходит по земле, и приказал ему подготовить акт о его возвращении. Но вместо того Бонне поспешно вскочил на лошадь и опрометью ускакал прочь»¹⁵.

Перед нами явная разница в подходе к переводу. Переводчик XIX века, фактически создавший новый текст, намеренно усилил мотив «белой женщины», что проявилось в изменении названия и введении дополнительных эпизодов.

Мотив «белой женщины» своеобразно осмысливается отечественными романтиками 30-х годов XIX века. Несомненно, этот мотив соединяется с распространенным представлением многих народов о белом как цвете призраков вообще и цвете савана как символа смерти и находит отражение в художественных произведениях. Так, в 1810 году В.А. Жуковский перевел с французского анонимную повесть «Привидение (Истинное происшествие, недавно случившееся в Богемии)», в которой присутствует эпизод о белой одежде привидения. Встреча австрийского офицера Фольмара с привидением получает объяснение и заканчивается свадьбой. Однако между повестью французского автора и распространенным в Германии мотивом есть прямая связь: местом действия является Богемия — одно из мест появления «белой женщины»¹⁶.

Призрак, появляющийся в отечественной повести первого десятилетия XIX века, — «светлый», «сияющий розовым блеском». В повести В.А. Жуковского «Марьяна роща (Старинное предание)» (1809) Мария, убитая Рогдаем, предстает в прозрачной одежде, похожей на облако перед зарею¹⁷. В переводе и в оригинальном произведении В.А. Жуковского отсутствует интересующий нас механизм мотива: явление «белой женщины», ужас от встречи с ней, поскольку призрак из распространенного в Германии предания предвещает болезнь и смерть. Повторяющиеся характеристики мотива отсутствуют, но положительная коннотация явления «белой женщины» подчеркивается В.А. Жуковским и в переводной, и в оригинальной повести.

В 30-е годы XIX века после знакомства русских читателей (писателей) с художественным миром немецких романтиков и книгой «Некоторые любопытные приключения и сны, из древних и новых времен» мотив «белой женщины» получил распространение в «таинственной» романтической повести.

В повести «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» (1830) А. А. Бестужев-Марлинский представляет нескольких «романтиков», по разным причинам оказавшихся за ужином в гостинице Кисловодска. Среди таинственных историй, прослушанных вечером, есть и история о «белой женщине». С нею знакомит артиллерийский ремонтёр, оговариваясь, что расскажет «истинное приключение своего дяди в Польше»¹⁸. События относятся к екатерининским временам, вошедшим в историю как «ужасная варшавская заутреня», когда во времена польского заговора погибли тысячи русских. Дядя — кирасирский поручик, выходец из Тамбовской губернии, служил в Варшаве ординарцем генерала. Спасаясь от погони, дядя и его вахмистр оказались в старинном польском замке. Его окружение — заросшая березняком просека, осыпавшаяся ограда, гнилые ворота, дикие растения — показывало, что замок необитаем, но оттуда слышались шум и пение. Вахмистр, крестясь, сказал: «Тут нечисто! В этих брошенных палатах могут стоять на посту только злые духи. По всему заметно, что здесь лет сорок не бывало живой души» (288). Кирасирский поручик и его слуга увидели в замке веселящихся поляков. Они избрали «покинутый палац» местом отдыха после охоты, хотя знали, «что прекрасное это здание заброшено в пользу нетопырей» и у него есть своя история (290).

Бывший владелец замка — Фелициан Глемба — совершил в нем страшное злодеяние: он капнул в ухо своей любовницы кипящий свинец, а труп выбросил в окно и закопал. После этого в полночь графу стало являться привидение: «женщина в белом платье, с распущенными волосами: она медленно выходила из дубовой комнаты, пробегала весь замок и, встретив графа, грозила ему перстом, указывала на небо и потом исчезала» (292). Вскоре Глемба умер, а на замок легла «печать отвержения». В нем обитал призрак «белой женщины».

«Белая женщина», внезапно появившаяся во время пира, и спасла от поляков русского офицера: внезапно распахнулись заколоченные двери «и вышла женщина в белом платье, бледная как смерть» (295). А. А. Бестужев-Марлинский использует здесь традиционные готические элементы: замок, являющийся своеобразным магнетическим центром повествования и находящейся в полуразрушенном состоянии. Мистически-таинственная атмосфера постепенно нагнетается, а ночные готические кошмары приобретают многоплановое толкование. Кирасирский поручик ищет безопасное место для сна и отдыха. Как и положено в готическом замке, он не может найти выход, блуждает по пустым коридорам, сеням, лестницам. В конце концов он бросается в «первую встречную горницу», на «древнюю запыленную кровать», но уснуть не может: «рассказы о белом привидении» преследуют его (203). Все дальнейшее происходит то ли во сне, то ли наяву, но фантастике придается характер достоверности. Герой слышит, как скрипят половицы под легкой ножкой, он чувствует, что на него

смотрят, и просыпается: «рядом с ним лежала прекрасная полька... он невзвидел света от восторга!» (296). Когда месяц осветил комнату, то кирасирский поручик увидел рядом женщину-мертвеца. Автор показывает, насколько отчетливо видит и ощущает ее герой: могильная бледность щек, отсутствие дыхания, глаза без зрачков. Кирасирский поручик чувствует запах гробовой доски, слышитбряканье косточек и просвечивающееся в сиянии месяца «белое платье», «будто надетое на вешалку» (296). Привидение пугает героя: волосы его становятся дыбом, холодеет сердце. Однако привидение вновь спасает его, указывая «гробовым голосом» дорогу. Вскоре рядом с ним оказывается человек «дикого вида», который сопровождает его до встречи с русскими. Таинственный незнакомец дает реальное толкование событий: воспользовавшись слухами о привидениях, они с женой поселились в заброшенном замке. Когда польские паны съехались туда на совещание об истреблении русских, то они, увидев, в какое трудное положение попал кирасирский поручик, решили ему помочь. Жена «набелилась, надела белое платье и, видя, что дядю моего хотят изрубить сонного, вбежала с ужасающим криком в залу... Паны разбежались от страха» (299).

Однако есть и другое истолкование событий, связанное с действительной верой в привидения. Прощальный ночной поцелуй «белой женщины» оставил навсегда память о себе на щеке кирасирского поручика: «с той поры щека эта стала у него отмерзать при самом обыкновенном холоде» (297).

А. А. Бестужев-Марлинский указывает, что таинственные знакомки, повстречавшиеся русскому офицеру в польском замке и спасшие его, были связаны с Италией и Германией. «Женщина-мертвец», или «белое привидение» стала появляться в замке после убийства Глембой любовницы — итальянки Бианки Менотти, которая была увезена из Италии, а потом брошена и забыта «в каком-то немецком городе» (291). Человек «дикого вида», поселившийся в замке с привидением, — «киевлянин, то есть полуполяк-полурусский, женился в Риге на немке из любви» (298).

Таким образом, обе женщины — в образе «привидения — белой женщины» и переодетой в «белое платье» — связаны со страной, где всем было известно предание о «белой женщине»: предполагаемый ход событий выстраивается в воображении, следуя традиционному варианту. В истинно русском духе поступает и дядя артиллерийского ротмистра: происшедшее «так сильно подействовало на его ум, что он постригся в монахи и умер в Белозерском монастыре» (279).

М. Н. Загоскин в новелле «Две невестки» (1834) по-своему интерпретирует мотив «белой женщины». Действие происходит в Белоруссии (при этом подчеркивается связь образа жизни хозяев великолепного замка с «роскошным хлебосольством древних магнатов Польши»¹⁹⁾ и во Франции; определенно называется и время (начало 1792 — конец 1793 года).

Две невестки — Жозефина и Казимира, жены князей Лю...ких — очень привязаны друг к другу: «Мы никогда еще не расставались, и я думаю, что разлука будет для нас большим несчастьем»²⁰. Княгиня Казимира уезжает со своим мужем, страдающим хронической болезнью, «полечиться у иностранных врачей». В результате они оказались в Париже, объятom пламенем французской революции.

Новелла «Две невестки» входит в цикл «Вечер на Хопре» (1834). Ее рассказывает исправник, который был свидетелем этого «истинного происшествия», случившегося в годы его молодости, когда он служил корнетом. Он вспоминает вечер, когда Жозефина грустила, у нее было «тяжело на сердце», хотя причин для беспокойства не было: в письме из Парижа Казимира сообщала, что там «весело, что журналисты все увеличивают»²¹. Однако предчувствие не обмануло Жозефину: ночью ей явилась «женщина в белом платье». «Лицо этой женщины было покрыто, или, лучше сказать, на него было наброшено короткое белое покрывало; она стояла неподвижно и держала руки, сложив крестом на груди»²². Сначала Жозефина испугалась, потеряла дар речи, а потом, собравшись с силами, хотела позвать на помощь, но остановилась. «Белой женщиной» оказалась Казимира, которая пришла проститься с невесткой после своей смерти, как они и клялись когда-то: «Если судьба приведет одну из нас умереть прежде и мы в эту минуту не будем вместе, то умершая должна непременно, не покидая еще земли, явиться к той, которая останется в живых»²³. Казимира была казнена в Париже, ей отрубили голову. В новелле с этим образом связан мотив «белой женщины»: автор называет ее «привидением», «явившимся после смерти», постоянно выделяет белый цвет одежды. Ее явление вызывает сначала сильный испуг, потом — желание защититься. Казимира, как и «белая женщина» из предания, сообщает Жозефине о близкой смерти, то есть несет традиционное знание — «предвестница смерти».

В новелле с характерным названием — «Белое привидение» — М. Н. Загоскин в ироническом плане изображает веру в появление призраков, полагая, что люди могут и обманываться. Рассказчик вспоминает свое пребывание в Италии семилетней давности, то есть в 1799 году, когда он участвовал в сражении при Нови. После контузии Заруцкий поправлял здоровье на даче синьора Фразелини, у которого во флигеле происходили странные вещи: в течение двух месяцев около полуночи являлось высокое белое привидение, легко преодолевая стены. Отважный русский гусар облачается в белую простыню и сам изображает бывшего садовника, удавившегося во флигеле, который, как считал хозяин, не может найти успокоения и является по ночам на место самоубийства. Заруцкий так правдоподобно представил белое привидение, что в него поверили даже те, кто сам недавно пугал окружающих.

В 1836 году В. Ф. Одоевским была написана новелла «Орлахская крестьянка» (опубл. в 1842 году). Место ее действия — Германия, главная

героиня — Магдалина Громбах из Орлаха, которая названа русским романтиком Энхен²⁴. В новелле важную функцию выполняет мотив «белой женщины», который традиционно соединяется с другим — мотивом «проклятого места».

Энхен Громбах — двадцатилетняя девушка, «образец немецкого трудолюбия и здоровья»²⁵. Именно ей стала являться «серая женщина», утверждавшая, что она — ее сестра, у них одно имя, родом они из Орлаха, родились с ней в один день, но с перерывом в четыреста лет. Привидение видела одна Энхен, как и гофмановская Адельгунда. Ее реакция традиционна: она пугалась и кричала. Однако постепенно девушка начала общаться с привидением, которое не делало ей ничего плохого. «Серая женщина» постоянно просила сломать дом. Она часто показывалась Энхен. В пределах небольшой новеллы автор тринадцать раз упоминает образ «серой женщины». Когда же, наконец, решили исполнить просьбу «серой женщины» и начали ломать дом, то Энхен увидела ее уже «не в сером платье, но под белым длинным покрывалом»²⁶. Из грустной женщины «в сером платье» она превратилась в веселую «под белым длинным покрывалом» и рассказала Энхен свою историю.

На месте дома Громбах она жила с человеком, которого любила. Но он убил сначала одного новорожденного, затем другого, а потом и ее; трупы были замурованы в стене. Теперь с помощью Энхен «белая женщина» получила избавление.

Человек, заставивший страдать «белое привидение», изображается «черным»: он явился Энхен как «мужчина в черном платье»²⁷. Чаще всего в новелле он именуется только эпитетом: «черный говорил», «черный ухаживал», «черный присоединяет», «черный приходил», «страдания от черного», «черный приблизился» и др. Он мог мелькать в образах «черной кошки», «черной собаки», «черной птицы», мог явиться перед Энхен и в образе работницы, соседки, «но странно, что черный человек никогда не мог совершенно изменить своего голоса, так что Энхен всегда его узнавала и по-прежнему оставляла без ответа»²⁸. Внутренняя неприязнь к «черному», а также следование советам «белой барыни»²⁹ спасли прорицательницу.

В книге мистических рассказов, собранных немецкими учеными, «черный» преследователь ясновидящей Громбах был монахом³⁰. В. Ф. Одоевский изменяет в новелле род занятий этого человека, делая его разбойником, что свидетельствует об уважении автора к церкви и ее служителям.

До появления «серой женщины» и «черного» в течение года Энхен преследовали то «черная кошка с белою головою, то черная птица, похожая на ворона, и также с белою головою»³¹. И кошка, и ворон ассоциируются прежде всего с негативной символикой — коварством, хитростью, смертью, утратой. «Белая голова» кошки и птицы заключает в себе тоже символический смысл и имеет позитивное значение в оппозиции *белое /*

черное. «Серая женщина» превращается в «белую», когда освобождается ее душа, а злодеяния «черного» становятся очевидными. «Белая женщина» стала покровительницей Энхен и спасла ее.

Рассказчик истории — граф Валкирин — постоянно подчеркивает ее достоверность. Придавая повествованию документальность, автор все-таки намеренно выделяет цветовую символику. При обсуждении этой истории князь Звенский высказывает мнение, что «рассказы Энхен, видимо, почерпнуты из немецких сказок, в которых белые и черные привидения играют большую роль»³². Граф Валкирин подтверждает правдивость истории следующим заключением: «Не только Энхен, но даже и терпеливые немецкие ученые не подозревали существование замка, о котором говорила Энхен»³³.

Наличие замка, в данном случае — гейслингенского замка, становится почти обязательным атрибутом для русских романтиков, которые вводят в повествование образ «белой женщины».

В 1838 году была опубликована повесть В. Ф. Одоевского «Привидение», где тоже есть и готический замок, и мотив «белой женщины». Ириной Модестович, к которому обращаются попутчики с просьбой рассказать какую-нибудь историю, связанную с замком, что виден за окнами дилижанса, вспоминает «анекдот, в котором такой же замок играет важную роль»³⁴. «Страшной истории» старательно придается характер достоверности. Рассказчик услышал ее от «закоснелого вольтерьянца старого века», который обычно улыбался, слушая «бредни» о привидениях, тогда как другие вскрикивали от ужаса. Свою историю он называет «истинной», происшедшей тридцать лет назад.

Местом действия является старинный замок готической архитектуры. Когда-то старая графиня прокляла свою дочь и еще не родившегося внука за то, что та вышла замуж без согласия родителей. Проклятие было произнесено при странных обстоятельствах. Молодая графиня вошла в спальню матери рано утром, что вызвало у той сильный испуг, поскольку, открыв глаза, она увидела «женщину в белом платье». Старая графиня сначала приняла дочь за привидение, затем «ее испуг превратился в досаду»³⁵ и последовало проклятье. Однако все закончилось прощением; старая графиня отеклась от клятвы, отречение записала на бумаге и заставила дочь постоянно носить его в медальоне.

С проклятием связана история о «белой женщине», свидетелем которой тридцать лет назад был «закоснелый вольтерьянец», тогда еще только поступивший на службу. Она произошла в готическом замке, где, как и «положено», есть комната, «которая с давних времен пользуется привилегией пугать всех жителей околотка разными страшными звуками и видениями»³⁶. В ней происходит событие, ставшее результатом давнего проклятия. В комнате с дурной славой спал выросший внук старой графини. Графиня-мать с гостями, одетыми белыми привидениями, отправилась

среди ночи будить сына, потому что не хватало кавалеров для танцев. «Впросонках схватил он пистолет и вскричал: “Прочь, застрелю!” — но привидение, бывшее впереди, все приближалось к его постели... раздался выстрел»³⁷. Графиня Мальвина, падая, закричала, что забыла надеть ма-тушкин медальон.

Казалось бы, речь идет о проклятии, которое исполнилось. Однако вос-поминание из далекой молодости «насмешника над привидениями» внима-тельно слушал юноша, принадлежащий к семейству, в котором произошла трагедия. «Но вам неизвестно одно: а именно, что графиня здравствует до сих пор и что вас приводила в комнату ее сына не она, но действительно какое-то привидение, которой до сих пор является в замке»³⁸.

Появление привидения в образе «белой женщины» соответствует тра-диционной функции из предания, правда, трансформированной: умерли не те, кому явилась «белая женщина», а те, кто рассказывали об этом про-исшествии. «Старого вольтерьянца» такая участь ожидала через две неде-ли. Действительно, он заболел: «К его физическим страданиям присоеди-нились грезы воображения. Беспреданно чудилась ему бледная женщина в белом покрывале, тащила его с постели»³⁹.

В. Ф. Одоевский использует мотив, связанный с «белой женщиной». Призрак, живущий в замке и показавшийся в образе «белой женщины», заменяет графиню-дочь, огражденную молитвой, но предвещает смерть через две недели всем, кто расскажет об этом происшествии. В. Ф. Одоев-ский вводит сказочный мотив с нарушением запрета: графиня-дочь чуть не погибла, забыв медальон, но была спасена настоящим привидением, тогда как рассказавшие «страшную историю» умирают, хотя о существо-вании запрета они не знают. Русский романтик явно иронизирует над со-бытием, которое изображается отстраненно. Подобная позиция выражает-ся и М. Н. Загоскиным в новелле «Белое привидение».

Однако русские романтики — А. А. Бестужев-Марлинский в «Вечере на Кавказских водах в 1824 году», М. Н. Загоскин в «Двух невестках», В. Ф. Одоевский в «Орлахской крестьянке» и «Привидении» — все-таки следуют за сложившейся в Германии традицией: «белая женщина» являет-ся предвестницей смерти.

В «Орлахской крестьянке» В. Ф. Одоевский местом действия делает Германию, показывая специфику немецкого национального характера в восприятии «белой женщины», которая в данном случае является пред-вестницей «проклятого места» с замурованными в стенах дома убитыми. Героиня М. Н. Загоскина — Казимира, явившаяся в «белом», — тоже вы-полняет функцию «белой женщины», предвещая смерть Жозефине.

«Белая женщина» отечественных романтиков выполняет охранитель-ную функцию, она обычно защищает героев. В «Вечере на Кавказских водах в 1824 году» А. А. Бестужев-Марлинский изображает «белую жен-

щину», которая спасает кирасирского поручика от польских панов. Однако функция предвестницы смерти присутствует и здесь: погибает вахмистр, а начавшаяся война конфедератов уносит тысячи русских жизней. Спасительную функцию «белая женщина» выполняет и в произведениях В. Ф. Одоевского — «Орлахская крестьянка» и «Привидение».

Следует обратить внимание, что местом действия обычно является не Россия, чаще — Польша. Пространство замка, где появляется «белая женщина», связывается с готической традицией, придающей повествованию напряженность и зыбкость. Русские романтики используют готическую атрибутику: порывистый ветер, молния, ненастная погода, странные звуки, страшные пророческие сны. Мотивы родового проклятья, проклятого места, сродства душ придают повествованию драматизм.

Таким образом, распространенное в Германии предание о призраке «белой женщины» получило своеобразную интерпретацию у русских романтиков через творчество Э. Т. А. Гофмана. Неожиданное проявление физического присутствия «белой дамы» приводило к трагическим последствиям, а ее образ способствовал нагнетанию страха, создавал зловещую атмосферу таинственности. Русские читатели с любопытством восприняли художественное воплощение мотива «белой женщины». Следствием сильного эмоционального воздействия стало формирование стереотипа образа «белой дамы», который проявился в переводе новеллы Э. Т. А. Гофмана «Маркиза де ла Пивардьер», опубликованной под названием «Белое привидение», а также в создании оригинальных произведений отечественными романтиками.

¹ *Некоторые* любопытные приключения и сны, из древних и новых времен. М., 1829. С. 147.

² Там же. С. 154.

³ *Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865. С. 88—89.

⁴ *Гофман Э. Т. А.* История с привидением // Гофман Э. Т. А. Песочный человек. СПб., 2000. С. 619.

⁵ Там же. С. 621.

⁶ *Гофман Э. Т. А.* Эпизод из жизни трех друзей // Гофман Э. Т. А. Серапионовы братья. Соч.: В 2 т. Минск, 1999. Т. 1. С. 91.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ *Гофман Э. Т. А.* Приключения в ночь под Новый год // Гофман Э. Т. А. Песочный человек. СПб., 2000. С. 186.

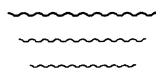
⁹ *Жуковский В. А.* Нечто о привидениях // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 10. С. 88.

¹⁰ *Белое привидение.* Повесть Гофмана // Повести и литературные отрывки. М., 1830. С. 68.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же.

- ¹³ Гофман Э. Т. А. Маркиза де ла Пивардьер // Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1996. Т. 3.
- ¹⁴ Белое привидение... С. 68—69.
- ¹⁵ Гофман Э. Т. А. Маркиза де ла Пивардьер... С. 425.
- ¹⁶ См.: *Привидение* (Истинное происшествие, недавно случившееся в Богемии) // Жуковский В. А. Розы Мальзерба. Европейская новелла в переводе В. А. Жуковского: Сост. Е. Е. Дмитриева, С. В. Сапожков. Псков, 1995.
- ¹⁷ См.: Жуковский В. А. Марьяна роца // Марьяна роца. Московская романтическая повесть / Сост., вступ. ст. и примеч. Вл. Муравьева. М., 1984.
- ¹⁸ Бестужев-Марлинский А. А. Вечер на Кавказских водах в 1824 году // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 279. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.
- ¹⁹ Загоскин М. Н. Вечер на Хопре // Загоскин М. Н. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 347.
- ²⁰ Там же. С. 348.
- ²¹ Там же. С. 351.
- ²² Там же. С. 353.
- ²³ Там же. С. 348.
- ²⁴ См.: Perty M. Die Mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur. Leipzig; Heidelberg, 1861. S. 330—332.
- ²⁵ Одоевский В. Ф. Орлахская крестьянка // Русская романтическая новелла / Сост., подгот. текста, вступительная ст. и примеч. А. Немзера. М., 1989. С. 338.
- ²⁶ Там же. С. 345.
- ²⁷ Там же. С. 342.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 347.
- ³⁰ Perty M. Op. cit.
- ³¹ Одоевский В. Ф. Указ. соч. С. 339.
- ³² Там же. С. 348.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Одоевский В. Ф. Привидения // Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 304.
- ³⁵ Там же. С. 309.
- ³⁶ Там же. С. 311.
- ³⁷ Там же. С. 312.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 313.

II

Русский меридиан

*Во дни сомнений,
во дни тягостных раздумий
о судьбах моей родины, —
ты один мне поддержка и опора,
о великий, могучий,
правдивый и свободный
Русский язык!*

(И. С. Тургенев)